Царевна и жених

В некотором городе была одна купчиха. Был у ней сын, было сорок лавок и сорок приказчиков. Отец помер, а сын был в малых летах. Мать велела ему приглядываться к торговле, а ему было только 15 лет. «Ребята, — говорят приказчики, — станем его в театры, в трактиры водить: куда ему такое богатство?». Стал сын ездить по театрам, по трактирам, стал пить и развратничать. Стал он брать у приказчиков деньги. Как пришел счет, мать и видит: где триста, где пятьсот рублей недостает у приказчиков. «Отчего недостает?». — спрашивает. «Ваш сын, говорят, брал». Мать рассердилась, раздела его, посадила в заключенье. Он закручинился, запечалился. Няня стала его утешать, стала няня просить за него у матери, долго не могла упросить и, наконец, упросила. «Он, говорит, ничего не будет делать!».

Мать выпустила его, дала ему сто рублей, чтоб он отдельно торговал. Он взял в лавку пешешницу с пешками. Народ собирается к нему в лавку, играют в пешки. На другой день взял он книгу... Такое сделалось веселье: в пешки играют, книгу читают. На третий день он принес в лавку гусли-самогуды. И боже мой, какой идет праздник: в пешки играют, книгу читают, в гусли-самогуды играют! А мать видит, что в его лавке много народу, и говорит: «Слава тебе, господи! Он хорошо торгует: лавка полна народу!». Только много купцов приходят к ней и говорят: «Ваш-де сын развращает всех: наши дети и приказчики к нему сбегаются, а из их-то лавок все крадут!». Мать сама пошла посмотреть, увидала, рассердилась. «Не надо, говорит, мне сына! Бросьте его в воду!».

Пришла полночь. Приводят работники его к морю, хотят бросить в воду. Он им и говорит: «Отпустите меня. Я, говорит, не покажусь матери, а уеду за море!». Работники подумали, подумали. «Дай, говорят, отпустим!». И отпустили его, а сами пошли домой. А он рано ли, поздно ли увидел: плывут корабли. Вот он и просится, чтобы его взяли на корабль. «Я, говорит, с разбитого корабля. Возьмите меня!». Взяли его на корабль, только он на корабле всех в карты обыграл. Корабельщики взяли лодку, посадили его в нее и пустили, куда глаза глядят. И прибыл он к берегу. Вышел на берег. А одёжа на нем была немудрая. На поле он увидал дом не великий и не малый. Только подходит он ближе, видит: дом загорелся. А недалеко была вода. Он взял скинул с себя зипун, помочил его в воде и потушил пожар.

Вошел в дом.

Видит: накрыт стол на три прибора. Он поел, спрятался и стал дожидаться, кто придет. Видит: прилетел сокол, обежал три раза кругом стула, ударился о пол и сделался человеком. Потом прилетел орел, облетел три раза кругом стула, ударился о пол и сделался человеком. Потом пришел царь-лев, обежал три раза кругом стула, ударился о пол и сделался человеком. «Что, братцы, вы видели, что было?», — говорит царь-лев. «А что?». — «Вы летаете, да ничего не знаете. Да ведь наш дом горел. А тут шел какой-то добрый человек, помочил зипун в воду и затушил пожар. Он, видно, здесь: кушанье поедено!». Вот и говорят все братья: «Выходи, добрый человек!». Он вышел, они его и спрашивают: «Откуда ты, добрый человек, и как сюда зашел?». Тот все рассказал. «Благодарим тебя за доброе дело. Будь ты нам старшим братом!». Тут они одели его, как барина, сели обедать и разговаривают: «Как бы нам братца сделать счастливым. Дадим ему товаров на десять подвод!». Младший брат и говорит: «Хорошо, братцы! Вы дадите ему товаров и денег, а нападут разбойники — все и отнимут! Научим лучше его своему художеству». — «Ладно, ладно!» — говорят братья. Вот младший брат обошел с ним около стула, и оба они сделались соколами. «Смотри же, — говорит младший брат, — как надо тебе быть соколом, обеги кругом куста и будешь соколом!». Другой брат научил его делаться орлом. А царь-лев научил его делаться львом. «Все же этого мало, говорят. Что бы еще?». Царь-лев и говорит: «Вы летаете, да ничего не знаете! Я видел государя с армией. За государеву дочь сватался царь Чубура, а государь не отдает. И будет между ними битва. Царь Чубура приедет на двенадцати кораблях. А государь второпях забыл меч-самосек, нож-кладенец и теперь в великой печали. И кто в несколько дней успеет привезти меч-самосек, нож-кладенец, за того царь отдаст свою дочь. Вот бы нашему братцу вызваться и жениться на царской дочери!». — «И то хорошо!».

Полетели братья, а с ними и он, показали ему войско. Вот оборотился он в человека и идет к войску. Его и спрашивают: «Что ты за человек?». — «Я, говорит, заморский купец. У меня корабли разбило. Пусть меня возьмут в солдаты. Я слышал, что у вас печален царь. Да о чем? Я, может, помогу». — «Куда тебе! Чрез несколько дней здесь будет сраженье. С нашим царем будет сражаться царь Чубура, а у него голова как чан, глаза как чашка. А наш царь дома забыл меч-самосек, нож-кладенец, а езды до царства три месяца! А кто вовремя его доставит, тому царь обещает дочь замуж выдать». — «Давайте, я доставлю!». — «Где тебе!».

Только дошли до царя слухи, что иностранный солдат выхваляется доставить меч-самосек, нож-кладенец. Царь велел его привести к себе. Привели. «Я слышал: ты вызываешься доставить до сраженья меч-самосек, нож-кладенец?». — «Точно так-с, ваше царское величество. Только скажите мне, где его найти?». — «Дочь, говорит, одна знает!». — «Так пишите ей письмо!». — «Если достанешь, дочь за тебя замуж отдам!». — «А когда сраженье будет? Через четверы сутки?». — «Да, через четверы сутки!». Государь тотчас письмо написал, описал дочери все: «Прими его как жениха и обручись с ним!» — и запечатал золотой печатью. А тут ему делают всякие почести. Время-то было немного; простился он с царем, сел в карету. Отъехал до леса и говорит: «Ох, брюхо болит! Вы, — говорит слугам-то, — посидите, подождите, а я схожу в лесок»... Вышел он в лесок, обернулся соколом и улетел. Слуги ждали, ждали — нет его! Пошли в лес, искали, искали, не нашли. Приезжают в лагерь к царю, говорят: «Так и так, ваше величество! Он обманул!». Какая уж досада была, так и сказать нельзя.

А он летел себе соколом, устал лететь на соколиных крыльях, обернулся орлом, полетел на орлиных крыльях. Устал лететь на орлиных крыльях, обернулся львом и побежал. Прибыл в один день. Влетел к царевне в окно соколом. А царевна сидит, плачет об отце: «Если б он не забыл меч-самосек, нечего бы и думать!». Увидала она сокола, схватила его, гладит. Гулинька сидит около нее на кровати, а она легла спать и заснула. А сокол вдруг оборотился молодцем, разбудил ее. Она испугалась: «Откуда человек взялся?». Он подал ей письмо. Она прочитала письмо, обрадовалась, разбудила мать. Стали его угощать. На другой день она и говорит ему: «Покажи мне твои хитрости!». — «Да вы испугаетесь!». — «Нет, ничего!». Он обежал три раза кругом стула и сделался соколом, стал летать в комнате. Она схватила его, выдернула перышко и спрятала. Потом он обернулся орлом, стал летать в комнате. Она опять выдернула перышко и спрятала. Потом он обернулся львом так, что в комнате едва поворотился. Она выдернула у него между ушей шерсть и завязала в платок. Потом он обернулся снова человеком и обручился с ней. Вечером они его проводили, полетел он вместе с мечом. Сперва летел соколом, потом орлом, потом побежал львом. Прибежал к лагерю, устал, обернулся человеком, лег под дерево и заснул.

Утром на четвертый день взошло солнце, перстень у него на руке так и сияет. Пастух увидал, отрубил ему голову, а его затоптал в болото. Снял кольцо, взял меч-самосек, вымылся, нарядился. Явился к царю, подал меч-самосек. Царю и говорят, что это не тот привез. «Нет, он!» — говорит царь.

Сделалось сраженье, Чубуру убили и все его войско заполонили. А пастух пьет да ест только. И уехал царь с ним на кораблях домой.

Только три братца собрались домой. Царь-лев и говорит: «Братцы, ведь наш старший брат-то убит. Я его видел без головы!». Братья полетели, прилетели, вытащили его из болота, обмыли. Царь-лев и говорит: «Послушайте, братцы! Я поймаю вороненка, а ворона принесет живой воды, мы и воскресим братца!». Лег он и будто заснул. А тут недалеко была ворона с воронятами. Она и не велит им подходить ко льву. Они не послушались, подлетели к самому льву. Он и схватил вороненька. Мать и кричит: «Царь-лев, отдай моего вороненка!». — «Достань мне живой и мертвой воды, так отдам!». А за мраморной стеной у царской дочери был колодец с живой и мертвой водой. И каждое утро девка-чернявка ходила, доставала воды из того колодца, а других никого не пускала. Только девка-чернявка (т. е. с черными бровями или волосами) хочет достать воды, ворона и подлетела к колодцу. Девка побежала отгонять, гонит, гонит, а ворона все понемногу отлетает да отлетает. Как девка уж далеко отбежала от колодца, вдруг ворона поднялась вверх и прямо в колодец, взяла в пузырек живой и мертвой воды, прилетела ко льву: «Царь-лев, вот тебе живая и мертвая вода! Отдай моего вороненка!». Лев взял вороненка, разорвал на части, спрыснул его живой водой. Он и воскреснул. Вот пошли братья живить своего старшего братца. Вспрыснули его мертвой водой — срослась голова с телом. Спрыснули живой водой — он вскочил. «Пора к царю!» — говорит. Тут братья ему все рассказали, накормили его, дали ему скрипку и говорят: «Как будет у царевны девишник, ты ступай туда и попросись сыграть на этой скрипке, так все и захохочут, как во второй раз сыграешь, все заплачут, как в третий раз сыграешь, все заснут, кроме царевны. Тут ты и делай, как знаешь!».

А царь меж тем едет домой и посылает вперед, чтоб «за столько-то верст меня и жениха встречали». Так и сделали. Царица, царская дочь, генералы встречают. А пастух и слова не умеет сказать. «Это дурак какой-то, а не мой жених!». — «Что ж вы не целуетесь?» — говорит царь. «Ладно, батюшка, ладно!» говорит пастух и лезет целоваться. А она и не хочет его поцеловать, плачет. Генералы все дивятся. Сделали обед. А царевна надела траур, вышла в нем и обливается слезами. «Это дурак, говорит, а не мой жених». А пастух пристает к царю: «Батюшка! Свадьбу поскорее бы!». Сделали девишник. Он сядет к ней, а она от него подальше да подальше, воет да отталкивает его. Вдруг приходит музыкант и просит позволенья ему три раза сыграть на скрипке. Позволили. Вот как он сыграл в первый раз,

так все и захохотали. Сыграл в другой раз — все заплакали. Сыграл в третий — все заснули, кроме царевны. Вот он подошел к ней и говорит: «Так и так все было». Тут они переговорили, как делать. Потом он снова взыграл — все проснулись и забыли, что спали. Пастух видит: царевна повеселела. Сам пьян, а идет, целует у нее руку. Царевна и говорит: «Я хочу музыкантам по рюмке водки подать!». Пошла взяла водки и подает поочередно. Все ее поздравляют. А дурак возле нее. Подносит она и тому музыканту, который сыграл три раза. Он и говорит: «Поздравляю вас! Дай бог нам счастливо кончить свадьбу!». Дурак и кричит: «Что такое?». А царевна и говорит отцу: «Позвольте мне сходить в кабинет, я докажу жениха!». Пришла из кабинета и вынесла платок. «Папенька, спросите его, как он достал меч-самосек!». А дурак и говорит: «Да уж я всяко, и на боту-то, и на лодке плыл... Всяко!..». А генералы и признают музыканта; он вдруг и обратился соколом. А пастух кричит: «Мало чего?! Он колдун, дьявольщину знает!». А царевна взяла сокола на руки и говорит: «Видите, господа генералы, у сокола нет пёрушка! Вот, оно!» — и вынула пёрушко из платка, приложила: оно так и стало, как следует. Тут он перекинулся орлом, и опять царевна приложила перо. Он обернулся львом. А пастух испугался, пал на спину, кричит: «Стреляйте его: он всех поест». А царевна опять приложила шерсть, что была вырвана между ушами. Тут вошли три братца и говорят всем, как было дело. Пастуха привязали к хвостам у лошадей, настегали коней и пустили. А царевна вышла за своего жениха, и стали жить да поживать.

(Тобольск)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.